

## **Формальная геральдика в отечественной историографии XVIII – первой половины XX в.**

В отечественной историографии широко используется термин «теоретическая геральдика». Им обозначается раздел геральдики, изучающий правила составления и описания (блазонирования) гербов. Одним из первых, еще в конце XIX в., это понятие использовал П.П. фон Винклер<sup>1</sup>. В дальнейшем оно встречалось и в трудах других авторов, хотя его интерпретация, оставаясь по существу стабильной, претерпевала определенную эволюцию. Если в начале XX в. Ю.В. Арсеньев считал теоретическую геральдику частью дисциплины, а в середине столетия Н.В. Устюгов склонен был воспринимать ее как «совокупность требований, какие предъявляются при составлении гербов», то в 1970-х гг. термин обозначал всего лишь «свод правил» геральдики<sup>2</sup>. Подобные изменения дефиниции отражали понижение статуса теоретической геральдики в советский период, когда она утратила практическое значение из-за прекращения герботворчества.

Сам термин нельзя признать удачным. В XIX – начале XX в., когда русское гербоведение только формировалось как сфера научного познания, его функционирование оправдывалось отсутствием действительно теоретического осмысления геральдического материала. Впоследствии появились работы, которые касались эпистемологической сути герба как исторического явления, границ геральдического знания и иных подобных проблем, т. е. сформировался раздел гербоведения, действительно осмысливавший теорию дисциплины. В такой ситуации бытование термина в традиционном значении стало анахронизмом, создающим смысловые трудности и недоразумения. В 1990-е гг., в связи с бурным развитием в России гербоведения терминологическое противоречие стало более очевидным. Появилось предложение раздел дисциплины, который

---

<sup>1</sup> Винклер П.П. фон. Русская геральдика. – Вып. 1. – СПб., 1892. – С. [7].

<sup>2</sup> Арсеньев Ю.В. Геральдика. – М., 1908; переизд.: Ковров, 1997. – С. 116; Устюгов Н.В. Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. – Ч. 4. – М., 1940. – С. 5; Коротков Ю.Н. Геральдика // Большая советская энциклопедия. – Т. 6. – М., 1971. – С. 343.

«предметом своего изучения имеет собственно изображение герба и правила его составления»<sup>3</sup>, именовать формальной геральдикой. Введение этого термина, по нашему мнению, позволяет решить проблему адекватного, точного обозначения разделов геральдики, придав дисциплине более четкую и логичную структуру. Этим обстоятельством обусловлено его использование и в настоящей статье.

Предметом анализа формальной геральдики является визуальная модель герба (щит, шлем, нашлемник, корона, намет, мантия, щитодержатели, девиз), формы и деления щита, цвета и меха, гербовые фигуры, а также правила их расположения, сочетания и изображения, особенности терминологии и вербальной фиксации (описания). Все эти аспекты способствуют сохранению специфических иконографических и семантических традиций геральдики. Кроме того, с нормами формальной геральдики тесно связано само понятие герба, одним из критериев которого является соответствие определенному иконографическому образцу. Оно помогает визуально отделить герб от других знаков, эмблем и символов, обозначая таким образом границы геральдического исследования. Изучение формальной геральдики имеет не только прикладное, прагматическое значение, но и глубокий теоретический, методологический смысл.

Потребность в трудах по формальной геральдике возникла в России в результате развернувшихся в 1720-е гг. работ по составлению гербов и диктовалась стремлением придать им европейский, «правильный» внешний вид. Первоначально дело ограничивалось использованием западных изданий, разработкой предназначенных для упорядочения деятельности Герольдмейстерской конторы правил и т. п.<sup>4</sup> Со временем потребность герботворчества и всего общества в специальных геральдических изданиях обусловила появление первой в России печатной книги о гербах, опубликованной «различных прав дохтуром» Кёнигсбергского университета И.С. Бекенштейном на немецком языке<sup>5</sup>. В ней в широко распространенной в XVIII в. форме вопросов и ответов излагались об-

---

<sup>3</sup> Введение в специальные исторические дисциплины. – М., 1990. – С. 54.

<sup>4</sup> См.: *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. – М., 1981. – С. 22–47.

<sup>5</sup> *Beckenstein I.S.* Kurtze Einleitung zur Wappen-Kunst und zur Art des Blasonirens. – SPb., 1731.

щие сведения о дворянских гербах, приводились иллюстрации, демонстрировавшие правила герботворчества. Однако автор, по собственному признанию, не был особенно сведущ в геральдике и занялся гербами волею судеб, поскольку в России не нашлось более подходящей кандидатуры. Его публикация представляла собой компилятивный труд, излагавший немецкие геральдические правила, и не оказала большого влияния на отечественное герботворчество, которое во второй четверти XVIII в. вполне удовлетворялось рецепцией готовых изображений, эмблем, образцов, а не геральдического практического опыта Европы как методической системы. Более существенно способствовала развитию геральдики эмблематическая, переводная книга «Символы и эмблемата», откуда для территориальных гербов в качестве фигур заимствовались изображения. О ее востребованности свидетельствует большой тираж (755 экземпляров), неоднократные переиздания и перевод на русский язык. Однако «Символы и эмблемата»<sup>6</sup> не следует причислять к геральдической историографии, поскольку в ней нет ни собственно гербов, ни геральдических фигур.

Рецепция западных традиций происходила также через учебную литературу. Например, глава о гербах имела в переводной книге Ж.-А.-С. Формей<sup>7</sup>, построенной, как и труд И.С. Бекенштейна, в форме вопросов и ответов. В числе прочего она касалась формальной геральдики (цветов, делений щита, фигур, корон), к осведомленности в которой в XVIII в. сводилось знание гербов вообще.

Массовое создание территориальных гербов в последней четверти XVIII в., а также, в еще большей степени, кодификация родовых гербов<sup>8</sup> обострили внимание к формальной геральдике на рубеже XVIII–XIX в. Ситуацию стимулировало то, что многие новации того времени преследовали цель поднять герботворчество до западного уровня<sup>9</sup>, а это актуализировало проблему точного со-

---

<sup>6</sup> Символы и эмблемата. – Амстердам, 1705. Переиздавалась в 1788, 1809, 1811, 1995 и 2000 гг. под разными названиями.

<sup>7</sup> [Формей Ж.-А.-С.] Краткое понятие о всех науках для употребления юношеству. – М., 1764; 2-е изд. – М., 1774.

<sup>8</sup> Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. – СПб., [1799–1836]. – Ч. 1–10.

<sup>9</sup> См.: Манифест о полном гербе Всероссийской империи. – СПб., 1993. – С. [7–8]; Манифест от 1 января 1798 г. «Об утверждении дворянского гербовника I части и о

ответствия русских гербов европейским требованиям и, как следствие, систематическую рецепцию формальных правил. Проявлением этой потребности стало издание переведенной секретарем Герольдии Г. Мальгиным книги профессора Гёттингенского университета И.Х. Гаттерера<sup>10</sup>, в которой подробно и всесторонне излагались правила составления гербов. Однако переводчик преследовал цель не только придать геральдике России «систематический вид»<sup>11</sup>. Упорядочение знаний должно было, по его мнению, способствовать ее развитию как части исторической науки. К сожалению, идея не осуществилась. Труд И.Х. Гаттерера фактически не использовался для составления гербов (он отсутствовал даже в Герольдии), его влияние на историографию России было незначительным. Он получил справедливо отрицательную оценку исследователей: А.Б. Лакиер упрекал его в догматизме и отсутствии связи содержания с историей рыцарства, П.П. фон Винклер – в несогласии национальному опыту<sup>12</sup> и т. п. Положительно высказался о нем только известный востоковед и журналист О.И. Сенковский, который называл книгу «отличным руководством»<sup>13</sup> и излагал по ней правила формальной геральдики в «Энциклопедическом лексиконе». Однако с его мнением нельзя согласиться. Труд И.Х. Гаттерера продолжал практику историографии XVIII в., уже устаревшую ко времени его издания в России, где был накоплен большой опыт национального герботворчества, нуждавшийся скорее в обобщении, чем в рефлексии по немецкому или какому-либо иному иноземному образцу.

В начале 1850-х гг. в Департаменте Герольдии Сената неоднократно предпринимались попытки составить практические руководства с изложением основ формальной геральдики. Несколько сочинений было написано<sup>14</sup>, но большого практического значения

---

выдаче дворянам копий с оного на пергаменте» // ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. 25. – [СПб.], 1830. – С. 3–4.

<sup>10</sup> *Гаттерер И.Х.* Начертание гербоведения. – СПб., 1805.

<sup>11</sup> Там же. – С. VII.

<sup>12</sup> *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. – СПб., 1855; переизд.: М., 1990. – С. 227; *Винклер П.П. фон.* Герб, гербоведение // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Т. 15. – СПб., 1892. – С. 463.

<sup>13</sup> [*Сенковский О.И.*] Герб, гербоведение, геральдика // Энциклопедический лексикон. – Т. 14. – СПб., 1838. – С. 119.

<sup>14</sup> *Репинский Г.К.* К истории русской геральдики // Русская старина. – 1897. – № 1. – С. 111–112.

они не имели. Историографическим проявлением этих бюрократических мероприятий стала вышедшая в 1855 г. книга бывшего герольдмейстера И.Д. Булычова. Она оказалась в определенном смысле переходной ступенью от историографии XVIII в. к сочинениям второй половины XIX – начала XX в.<sup>15</sup> С одной стороны, она вышла на иностранном (французском) языке и основывалась на западных сочинениях, но с другой – изложение сведений по формальной геральдике синтезировалось с историей западных и русских гербов, описанием территориальных эмблем России. Автор пытался найти соотношение между национальной и европейской традициями. Широкого общественного или научного резонанса книга не вызвала. В.К. Лукомский объяснял это несколькими причинами: неблагоприятным временем выхода в свет (Крымская война), отставкой автора с должности герольдмейстера, одновременным появлением известного труда А.Б. Лакиера «Русская геральдика» и засильем «немецкого толкования в области геральдики»<sup>16</sup>.

Кодификация гербов в «Общем гербовнике дворянских родов» способствовала появлению не только перевода книги И.Х. Гаттере-ра, но наряду с публикацией геральдических источников в «Полном собрании законов Российской империи», сделала возможным создание первого научного исследования, посвященного русским гербам, – труда А.Б. Лакиера<sup>17</sup>. В нем был собран и обобщен большой фактический материал, излагалось понимание геральдики как сферы научного познания и т. д. Однако формальным аспектам дисциплины посвящен только самый краткий очерк, составленный на основании французских работ (в том числе известного геральдиста XVII в. К.-Ф. Менестрие). Автор признавал, что главным источником этого раздела послужила книга Ж. Эйзенбаха<sup>18</sup>. Это означало изменение историографической ориентации с немецкой на французскую литературу, связанное с тем, что в большинстве русских гербов прослеживалось влияние именно традиций Франции. Историк сделал акцент не на проблемах формальной геральдики, а на изложении четко структурированной фактической информации. Изменение предмета

---

<sup>15</sup> *Boulitchoff J.* Essai sur l'art du blazon. – Spb., 1855.

<sup>16</sup> *Наумов О.Н.* Из истории русской геральдической библиографии // *Гербовед.* – 1995. – № 7. – С. 104.

<sup>17</sup> *Лакиер А.Б.* Указ. соч.

<sup>18</sup> *Eysenbach G.* Histoire du blazon et de la science des armoiries. – Tours, 1848.

познания обозначило новое место в гербоведческом исследовании раздела о формальной геральдике, который был нужен А.Б. Лакиеру, только чтобы облегчить читателю понимание конкретного материала. Такой подход нашел в дальнейшей историографии широкое применение. Изложение правил составления гербов, хотя и не лишенное неточностей, было четким и систематичным, чем выгодно отличалось от предыдущих трудов. Эти качества стали одной из причин того, что в историографии сложилось направление, заимствовавшее описание формальной геральдики из книги А.Б. Лакиера.

К нему принадлежало, например, сочинение П.П. фон Винклера<sup>19</sup>, считавшего главным недостатком труда А.Б. Лакиера скудость иконографического ряда. Своей целью он наметил сочетание изложения правил не с какими-то абстрактными рисунками, а с конкретными изображениями русских дворянских гербов, чем доказывалось соответствие последних требованиям геральдики, и они приводились в некую информационную систему. Используя принцип структурирования А.Б. Лакиера, П.П. фон Винклер значительно расширил сведения и еще более их формализовал. Он стремился представить формальную геральдику как точное, логичное знание, тесно связанное с реально существующими гербами, т. е. опирающееся на практику.

Аналогичную линию проводил Ю.В. Арсеньев<sup>20</sup>. Он искал соотношение между формальной геральдикой и сведениями по истории дисциплины, подтверждая, как и П.П. фон Винклер, сведения о внутренней структуре герба примерами из практического опыта. Руководствуясь своей идеей о единстве развития европейской геральдики, историк заимствовал их не только из отечественного, но и западного геральдического пространства. Усилившееся с середины XIX в. влияние немецких традиций на составление русских гербов отразилось на учебнике Ю.В. Арсеньева, который излагал формальную геральдику по трудам профессора Боннского университета Х. Бернда<sup>21</sup>, заимствуя из них немалую долю догматизма и мелочной регламентации<sup>22</sup>.

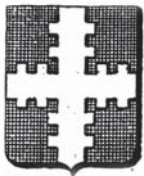
---

<sup>19</sup> *Винклер П.П. фон.* Русская геральдика. – СПб., 1892–1894. – Вып. 1–3.

<sup>20</sup> *Арсеньев Ю.В.* Указ. соч. – С. 124–285.

<sup>21</sup> Список см.: *Белинский В.Е.* Русский геральдический словарь. – Вып. 2. – СПб., 1913. – С. 62.

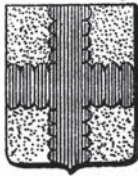
<sup>22</sup> Это подтверждается сохранившимися подготовительными материалами: ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 365. – Л. 9–26.



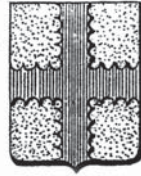
1



2



3



4



5



6



7



8



9



10



11



12



13



14



15



16



17



18

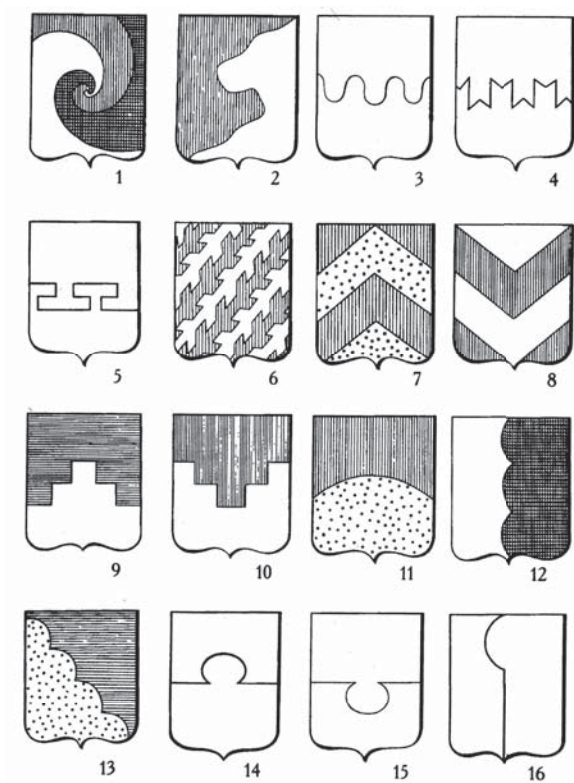


19

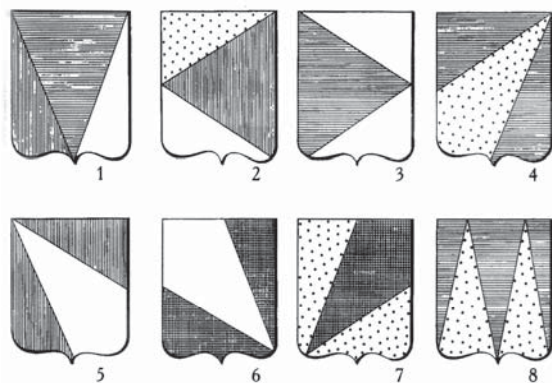


20

Рисунки крестов из книги П.П. фон Винклера «Русская геральдика» (СПб., 1892. – Вып. 1). Кресты: 1 – с выступами, 2 – обрубной, 3 – чешуйчатый, 4 – шиповидный, 5 – увеличенный, 6 – уширенный, 7 – стрельчатый, 8 – треугольный, 9 – ромбический, 10 – гвоздевидный, 11 – головчатый, 12 – ступенчатый, 13 – выступной, 14 – остроконечный, 15 – вильчатый, 16 – крюковидный, 17 – укороченный выступной, 18 – червлёный Иерусалимский, 19 – выступной с шипами, 20 – головчатый с прямоугольными головами

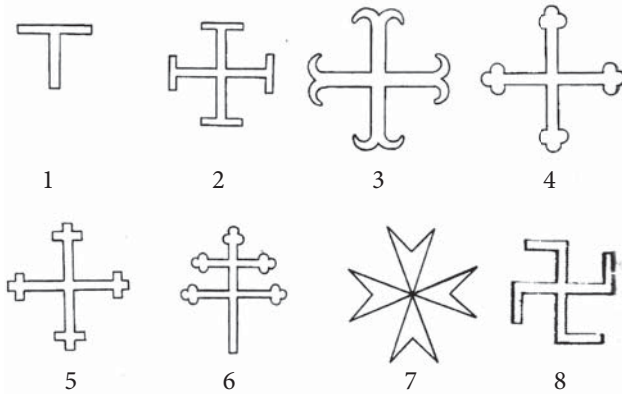


Образцы деления гербового щита из книги Ю.В. Арсеньева «Геральдика» (М., 1908)



Виды острия (пирамиды) из книги Ю.В. Арсеньева «Геральдика» (М., 1908)





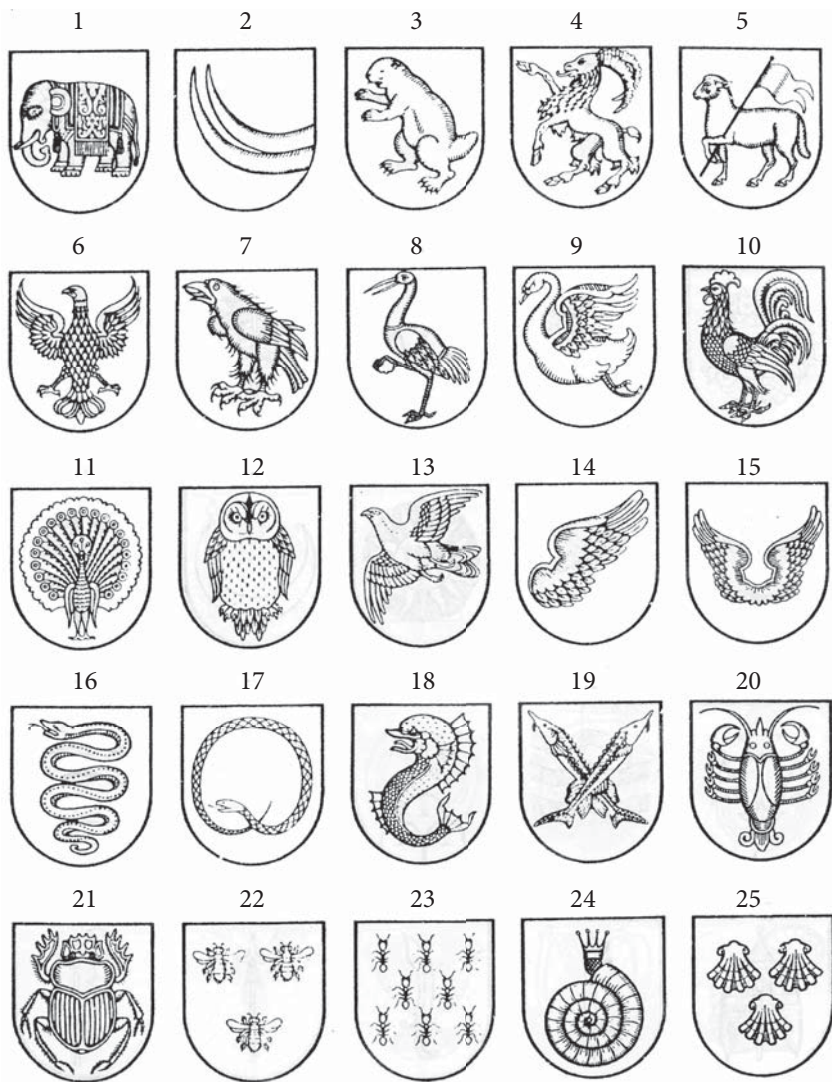
Виды крестов из книги Ю.В. Арсеньева «Геральдика» (М., 1908)

Официальная рецепция немецких традиций отразилась также на работе барона Н.А. Типольта, написавшего краткий очерк формальной геральдики для совместного с В.К. Лукомским «руководства к составлению и описанию гербов»<sup>23</sup>. Автор продолжил схематизацию информации, что дало повод отрицательно настроенному к западным нормам и их рецепции в России С.Н. Тройницкому назвать сочинение Н.А. Типольта неудачным, поскольку его текст «заимствован неумело, без достаточного знания истории геральдики, с единственным желанием опубликовать какие-то никому не нужные правила теоретической геральдики» и «выказать свою схоластическую ученость»<sup>24</sup>. С.Н. Тройницкий считал многие из описанных правил надуманными и не имеющими значения для исследования гербов. Однако именно предельный схематизм Н.А. Типольта в советский период был востребован и расценен как достоинство. Н.В. Устюгов писал, что в его работе «изложение краткое и ясное»<sup>25</sup>. Этим объясняется большая популярность очерка Н.А. Типольта в историографии XX в. и его широкое, некритическое использование в справочниках, учебных и практических пособиях.

<sup>23</sup> Лукомский В.К., Типольт Н.А. бар. Русская геральдика. – Пг., 1915; переизд.: М., 1996. – С. 31–45.

<sup>24</sup> Старые годы. – 1915. – № 11. – С. 38.

<sup>25</sup> Устюгов Н.В. Указ. соч. – С. 3.



Некоторые естественные гербовые фигуры из книги В.К. Лукомского и барона Н.А. Тирольта «Русская геральдика» (Пг., 1915)

Негативное относились к формальной геральдике не все специалисты. Иной точки зрения придерживался В.К. Лукомский, который целенаправленно проанализировал эволюцию правил составления и описания гербов в России, выделил смену иконографических типов, которые положил в основу периодизации герботворчества<sup>26</sup>. Этим было начато серьезное изучение формальных правил для нужд гербоведения.

В историографии конца XIX – начала XX в. появились работы, посвященные частным аспектам формальной геральдики. Из элементов герба наибольшее внимание уделялось девизам<sup>27</sup>, поскольку с их помощью сравнительно легко определить принадлежность герба на вещественном или письменном источнике, если владелец неизвестен. В 1910-е гг. появились публикации В.Е. Белинского о конкретных гербовых фигурах<sup>28</sup>, построенные на западном материале и преследовавшие цель популяризировать геральдические знания. Такие статьи публиковались не только в журналах, но и в газетах<sup>29</sup>, доступных самой широкой публике.

Краткая информация о формальных правилах приводилась в энциклопедических изданиях, и не только в статьях «герб», «геральдика», «гербоведение», но и в очерках о коронах, крестах и т. п.<sup>30</sup>. Так, П.П. фон Винклер подготовил для «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона таблицу «Главные типы геральдических крестов», включающую 60 разновидностей фигуры<sup>31</sup>.

Пояснения формального характера давались в предисловиях к публикациям геральдических источников<sup>32</sup>. Это делалось для того,

<sup>26</sup> Лукомский В.К., Титольт Н.А. бар. Указ. соч. – С. 11, 16, 22–24.

<sup>27</sup> Девизы русских гербов. – СПб., 1882; Горн В. Девизы Высочайше утвержденных гербов российского дворянства. – СПб., 1891; Тройницкий С.Н. Гербовые девизы русского, польского, финляндского и прибалтийского дворянства. – СПб., 1910.

<sup>28</sup> Белинский В.Е. Геральдические эскизы // Столица и усадьба. – 1916. – № 59. – С. 8–13; Он же. Древние и новейшие девизы // Там же. – № 69. – С. 13–16; Он же. Сверхъестественные геральдические существа и чудовища // Там же. – 1917. – № 76. – С. 12–13.

<sup>29</sup> Белинский В.Е. Девизы // Биржевые ведомости. – 1912. – № 13074. – С. 4 и др.

<sup>30</sup> [Сенковский О.И.] Указ. соч.; Винклер П.П. фон. Герб, гербоведение; Корона // Новый энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Т. 22. – Пг., 1915. – С. 831 и др.

<sup>31</sup> Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Т. 32. – СПб., 1895. – С. 656а.

<sup>32</sup> Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник. – СПб., 1914. – С. XX, XXVI; Гербовник А.Т. Князева 1785 г. – СПб., 1912. – С. VII и др.

чтобы их информация стала более понятна для читателей. Иногда подобные разделы были довольно значительными, как, например, в справочнике П.П. фон Винклера<sup>33</sup>. Подробный очерк о формальных правилах содержал перечень встречавшихся в территориальных гербах России эмблем, распределенных в соответствии с общепринятым в геральдике порядком. Он позволял использовать гербовник при определении неизвестных гербов.

В начале XX в. формальной геральдике уделялось постоянное внимание в рецензиях на геральдические издания<sup>34</sup>. Некоторые из отзывов оказались весьма полемичны и вызвали ответную реакцию. В форме рецензий прошла дискуссия между С.Н. Тройницким и В.К. Лукомским о терминологических проблемах и принципах описания гербов<sup>35</sup>.

К 1917 г. изучение формальных правил стало самостоятельным направлением отечественных гербоведческих изысканий. Дифференциация проблематики, переход от общих публикаций к частным детерминировались процессами оформления в России научной геральдики, требовавшими определения границ национального герботворчества, его своеобразия и соотнесения с западными традициями, а также четкого понятийного аппарата, отсутствие которого затрудняло познавательный процесс.

Потребности научного развития отразились в справочнике В.Е. Белинского<sup>36</sup>, поставившего целью, с одной стороны, обобщение национального опыта, а с другой – на основе преимущественно французской историографии дать точное и полное представление о формальной геральдике. По ориентации на Францию это издание продолжало линию А.Б. Лакиера и П.П. фон Винклера, но по отношению между геральдическим опытом различных стран (преобладание зарубежного над национальным) повторяло Ю.В. Арсеньев, находясь как бы между различными историографическими направлениями. Попытка создать систему формальных понятий и терминов завершилась неудачно. Дело даже не в том, что издание

---

<sup>33</sup> *Винклер П.П. фон.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. – СПб., [1900]; переизд.: М., 1991.

<sup>34</sup> Исторический вестник. – 1910. – № 5. – С. 716–717; 1916. – № 2. – С. 579–580; Старые годы. – 1915. – № 11. – С. 37–40 и др.

<sup>35</sup> Гербовед. – 1914. – № 10. – С. 156–161; № 11. – С. 174–176.

<sup>36</sup> *Белинский В.Е.* Русский геральдический словарь. – СПб., 1912–1913. – Вып. 1–2.

словаря остановилось на первых двух выпусках. Разделение всех геральдических понятий, терминов и фактов истории на словарные статьи в алфавитном порядке вело к утрате целостности восприятия и представления об их взаимосвязи.

В советский период при общем негативном отношении к гербам формальная геральдика не вызывала большого интереса. В начале 1920-х гг. еще обсуждался вопрос о соответствии советских гербов канонам классической формальной геральдики. Больше всего внимания ему уделил К.И. Дунин-Борковский, который вскоре после утверждения герба РСФСР предлагал придать ему более геральдичный вид<sup>37</sup> – использовать в качестве щитодержателей рабочего и крестьянина, а в качестве короны – буденовку и т. п. В целом, он констатировал соответствие герба формальным правилам, но его описание в Конституции РСФСР 1918 г. называл ненаучным, указав на многочисленные конкретные недостатки, делавшие воспроизведение по нему рисунка невозможным<sup>38</sup>.

В дальнейшем изложение формальных правил исчезло из энциклопедических изданий и удержалось в самом кратком виде только в учебных пособиях, поскольку без него само обучение геральдике оказывалось бы профанацией. Разделы в вузовских курсах ничего нового не добавляли и различались только ориентацией на конкретные отечественные (а не иностранные, как до 1917 г.) издания. Так, Н.П. Чулков положил в основу лекций пособие Ю.В. Арсеньева, а Н.В. Устюгов – очерк Н.А. Типольта<sup>39</sup>. На содержание курсов оказывала влияние идеологическая обстановка. В отношении формальной геральдики это проявлялось в сокращении до минимума сведений о «негеральдических фигурах», среди которых должны были находиться ангелы, святые, двуглавый орел и прочие «неблагонадежные» элементы. Из группы геральдических фигур остракизму подвергался крест. Из многочисленных его форм, описывавшихся в дореволюционных изданиях, теперь упоминалось только о двух: андреевском и прямом. Ситуация стала меняться в конце 1960-х гг., когда возрос интерес к геральдике в целом и, в том числе, к фор-

---

<sup>37</sup> Дунин-Борковский К.И. О гербе и флагах РСФСР. – М., 1922.

<sup>38</sup> Дунин-Борковский К.И. Герб // Энциклопедия государства и права. – Т. 2. – [Вып. 1]. – М., 1925. – Стлб. 577.

<sup>39</sup> ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 71. – Л. 9–18; Устюгов Н.В. Указ. соч.

мальным правилам, а политика «оттепели» сделала возможным его удовлетворить.

Основная задача формальной геральдики в России XVIII – начала XX в. заключалась в создании таких правил составления и описания гербов, которые одновременно соответствовали бы европейским стандартам и учитывали национальный опыт герботворчества. Игнорировать западные традиции было невозможно, поскольку гербы – феномен европейской культуры, но нельзя было пренебречь и отечественной спецификой, в противном случае русская геральдика оказалась бы полным подражанием иностранным обычаям. Поиск соотношения европейских и русских элементов определял эволюцию формальной геральдики в России, которая стремилась к достижению некоего универсального перечня допустимых норм.

До середины XIX в. предпринимались попытки заимствовать формальные положения геральдики из Европы полностью, но сделать этого не удалось, западная практика неизбежно переосмысливалась и переиначивалась. Тогда геральдисты пошли по пути частичного заимствования формальной модели.

Предлагавшиеся варианты правил, хотя и обладали определенной общностью, значительно различались между собой в деталях, что определялось содержанием использованных зарубежных сочинений и уровнем критического отношения к ним. Особенно многочисленные вариации имелись в отношении гербового щита и его иконографического наполнения. Их можно свести к 7 основным группам:

1. *Терминология.* В историографии XVIII – начала XX в. употреблялись различные названия для одних и тех же цветов, фигур и их групп. П.П. фон Винклер для обозначения цветов ввел в литературу термин «финифть», называя их червленью, лазурью, зеленью, чернью и пурпуром<sup>40</sup>. До этого в переводе И.Х. Гаттерера и у А.Б. Лакиера использовались общепринятые понятия: красный, голубой, зеленый, черный, пурпуровый<sup>41</sup>. Такая модификация являлась, видимо, следствием герботворческой деятельности управляющего Гербовым отделением Департамента Герольдии барона Б.В. Кёне<sup>42</sup>.

---

<sup>40</sup> *Винклер П.П. фон.* Русская геральдика. – Вып. 1. – С. 7–8.

<sup>41</sup> *Гаттерер И.Х.* Указ. соч. – С. 27; *Лакиер А.Б.* Указ. соч. – С. 32.

<sup>42</sup> *Лукомский В.К., Типольт Н.А. бар.* Указ. соч. – С. 23.



Фантастические гербовые фигуры, нарисованные И.Я. Билибиным, из книги В.К. Лукомского и барона Н.А. Типольта «Русская геральдика» (Пг., 1915)

Для сечений щита А.Б. Лакиер ввел термины «рассеченный», «разбитый», «скошенный», из которых в историографии не утвердился второй, замененный понятием «пересеченный» (т. е. разделенный горизонтально). Он же называл одну из фигур «ноги»; с конца XIX в. ее именовали «оконечностью». Существенные разночтения существовали при обозначении групп фигур, одна из них называлась «воображаемые» (А.Б. Лакиер), «фантастические» (Ю.В. Арсеньев, П.П. фон Винклер), «легендарные» (Н.А. Типольт), «сверхъестественные» (В.Е. Белинский)<sup>43</sup>.

2. *Пропорции.* Определение пропорций щита, его сечений и фигур имеет большое значение, поскольку их колебания могут обозначаться различными терминами. И.Х. Гаттерер утверждал, что гербовые фигуры происходят от неравного деления цветов в щите, а Ю.В. Арсеньев писал: «Геральдическая фигура в точном значении этого термина, каждая в своем роде есть одноцветное меньшее место в гербовом щите, имеющее определенную ширину и простирающееся по направлению линий деления»<sup>44</sup>. А.Б. Лакиер и П.П. фон Винклер основное соотношение фигур выражали как  $1/3$  к высоте или ширине щита<sup>45</sup>, Ю.В. Арсеньев – как  $2/7$ , а Н.А. Типольт объединил обе точки зрения, установив для главы и оконечности пропорцию в  $2/7$ , а для столба и пояса – в  $1/3$ . Наиболее подробное перечисление пропорций щита, сечений и фигур было сделано В.Е. Белинским и П.П. фон Винклером.

3. *Количественный состав.* Существенно различались мнения геральдистов о количестве употребляемых в гербах фигур. В отношении группы геральдических фигур эти колебания незначительны, в основном их насчитывали 8 (по Н.А. Типольту – глава, оконечность, столб, пояс, перевязь, стропило, костыль, крест), но П.П. фон Винклер попытался увеличить их число до 10 (не указывая костыль, но относя к ним щиток, кайму и вольную часть). Дискуссионным оставался вопрос о составе так называемых второстепенных фигур, список которых значительно различались между собой. Еще более заметно колебалось число естественных, искусственных

---

<sup>43</sup> Там же. – С. 42; Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 37; Винклер П.П. фон. Указ. соч. – Вып. 2. – С. 109; Арсеньев Ю.В. Указ. соч. – С. 210.

<sup>44</sup> Арсеньев Ю.В. Указ. соч. – С. 165.

<sup>45</sup> Например, высота главы составляет  $1/3$  от высоты щита, ширина столба –  $1/3$  ширины щита.



и фантастических фигур, поскольку для отнесения к ним какого-либо животного, птицы, растения или предмета достаточно было его однократного использования в гербе. Н.А. Типольт, например, указывал всего 30 «искусственных» фигур, П.П. фон Винклер – в два раза больше, а всего последний перечислял более 180 возможных негеральдических фигур – больше, чем другие русские геральдисты. Это связано с источниковой основой его труда – дворянские гербы, в которых встречались самые разнообразные и нетрадиционные для европейской геральдики изображения: турухтан, щука, береза, остров, шуба и т. п.

4. *Распределение по группам.* Одни и те же гербовые фигуры относились исследователями к различным группам. Иногда распределение восходило к средневековым традициям и в XIX–XX вв. выглядело курьезно. Так, единственной рыбой, изображаемой в гербах, А.Б. Лакиер называл дельфина, и его примеру следовали Ю.В. Арсеньев и Н.А. Типольт<sup>46</sup>. П.П. фон Винклер вопреки традициям причислил дельфина и кита к млекопитающим, но ангела и дьявола отнес к естественным фигурам, наряду с реальными животными, человеком, птицами и т. д.<sup>47</sup>. В эту же группу включали еще феникса и единорога (А.Б. Лакиер), райскую птицу (П.П. фон Винклер) и др. Трудность при распределении геральдических фигур состояла в том, считать ли некоторые из них действительно фигурами или сечениями щита. Ю.В. Арсеньев разделил кресты на две группы: одни отнес к фигурам первого порядка, а те, которые не касались «хотя бы с двух сторон краев щита», – к искусственным, т. е. приравнял к предметам быта<sup>48</sup>.

5. *Изменение очередности перечисления.* Порядок распределения фигур внутри групп был крайне неустойчив и индивидуален у каждого автора. Иногда его обосновывали геометрическими построениями (для геральдических фигур), иногда – логической систематизацией (для негеральдических). Более распространенные эмблемы часто выносили вперед: А.Б. Лакиер связывал очередность первостепенных геральдических фигур с основными делениями щита: сначала – горизонтальные (глава, пояс, оконечность), за-

<sup>46</sup> Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 42; Арсеньев Ю.В. Указ. соч. – С. 202; Лукомский В.К., Типольт Н.А. бар. Указ. соч. – С. 41.

<sup>47</sup> Винклер П.П. фон. Указ. соч. – С. 81.

<sup>48</sup> Арсеньев Ю.В. Указ. соч. – С. 179.

тем – вертикальные (столб) и диагональные (перевязь)<sup>49</sup>. Подобные основания приводил еще И.Х. Гаттерер<sup>50</sup>. Специфической реализацией проблемы являлся вопрос об очередности описания полей в многочастных гербах. В пособиях могли публиковаться особые рисунки, где цифрами показывалась такая очередность для наиболее распространенных вариантов деления щита. Подобные изображения включались и в работы, посвященные конкретным гербам. Так их авторы добивались точности представлений об использованных источниках<sup>51</sup>.

6. *Систематизация*. Изложение норм формальной геральдики неизбежно связано с систематизацией, обусловленной разнообразием и многочисленностью фигур. Первоначальные систематизации были противоречивы. И.Х. Гаттерер выделял «естественные» и «искусственные» фигуры, к первым он причислял «чудовищ» и «вымышленных людей»<sup>52</sup>. А.Б. Лакиер называл четыре группы: геральдические, естественные, воображаемые и искусственные, каждая из которых состояла из нескольких разделов. Традиционный для отечественной историографии вид систематизация приобрела у П.П. фон Винклера, поделившего их сначала на два типа: геральдические и негеральдические, а затем первый еще на почетные и простые (иначе второстепенные), и второй – на естественные, искусственные и фантастические<sup>53</sup>. Аналогично систематизировались фигуры в работах других геральдистов. В.Е. Белинский предлагал отдельную систематизацию для фантастических фигур. Он выделял среди них крылатых, морских, чудовищ с несколькими одинаковыми органами (стоглазый Аргус, двуликий Янус и т. д.), геральдических чудовищ (фигуры, состоявшие из частей различных животных и людей) и существ, обладающих сверхъестественными свойствами и «качествами особой породы» (например, саламандра может жить в огне)<sup>54</sup>. Систематизация постепенно усложнялась, становилась многоступенчатой, обретая характер догмы. К началу XX в. она представляла собой иерархичную систему, которая не только

---

<sup>49</sup> Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 37.

<sup>50</sup> Гаттерер И.Х. Указ. соч. – С. 85–86.

<sup>51</sup> Гербовник А.Т. Князева. – С. VII, 41 и др.

<sup>52</sup> Гаттерер И.Х. Указ. соч. – С. 102–104.

<sup>53</sup> Винклер П.П. фон. Указ. соч. – Вып. 1. – С. 37, 39–46.

<sup>54</sup> Белинский В.Е. Сверхъестественные геральдические существа и чудовища.

структурировала эмблемы, но и использовалась для решения методических и теоретических проблем.

7. *Семантика*. По мере развития формальной геральдики уточнялась семантика понятий. Например, А.Б. Лакиер называл вилообразный крест «фигурой в виде большого французского игрек» и не причислял ее к крестам. П.П. фон Винклер и В.Е. Белинский считали, что он образован «соединением обеих (левой и правой) перевязей и столба», но такая дефиниция не точна, т. к. фигура состоит только из частей указанных фигур. Более верной была позиция Ю.В. Арсеньева, который обозначал ее как соединение «половины столба с половинами двух перевязей, одной справа, другой слева, сходящихся в середине щита»<sup>55</sup>.

Направления совершенствования формальной геральдики охватывали весь спектр проблем, связанных с иконографией и описанием щита. Кроме того, система обеспечивала рецепцию других фигур, заранее задавая им определенные внешние характеристики.

Историография касалась и других, кроме щита, элементов герба, состав которых менялся. В работах XVIII в. серьезное значение придавалось только коронам, указывавшим на социальный ранг владельца, а о щитодержателях, например, писали: «Оное состоит по воле каждого»<sup>56</sup>. В XIX – начале XX в. была регламентирована иконография второстепенных элементов, даже тех, которые не несли смысла, например, устанавливались определенные формы намета. Однако отношение к ним как к чему-то второстепенному сохранялось и в XIX – начале XX в. Ю.В. Арсеньев, например, называл щитодержателей, мантию и девизы «геральдическими украшениями или придатками»<sup>57</sup>.

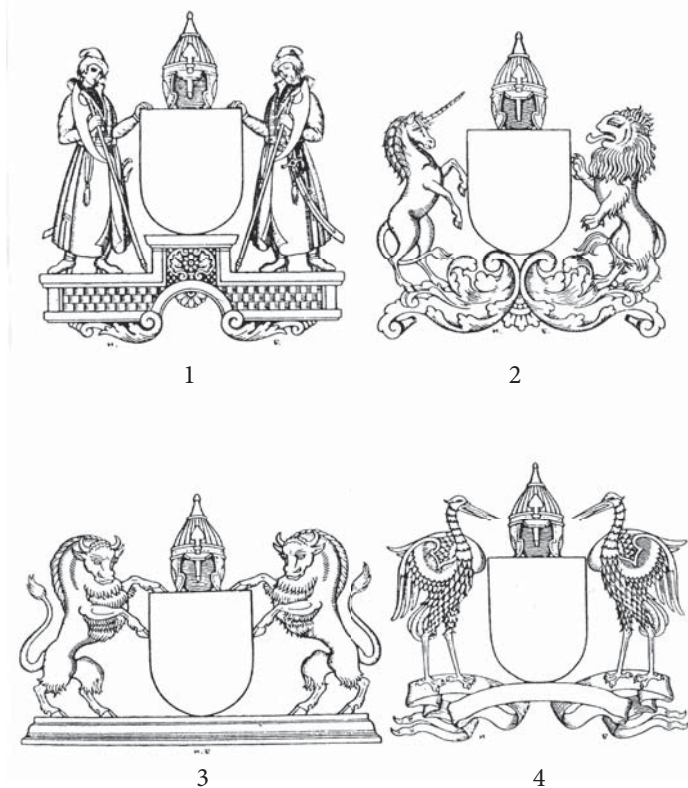
Большинство из отмеченных нами для щита историографических тенденций проявлялось и применительно к другим элементам герба. Четко прослеживалось в литературе стремление к всевозможной систематизации информации. А.Б. Лакиер классифицировал европейские шлемы, Ю.В. Арсеньев выделил виды нашлемников (рога, крылья, щитовые доски, шляпы, перья, человеческие и

---

<sup>55</sup> Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 38; Белинский В.Е. Указ. соч. – Вып. 1. – С. 36; Винклер П.П. фон. Указ. соч. – Вып. 1. – С. 43; Арсеньев Ю.В. Указ. соч. – С. 180.

<sup>56</sup> [Формей Ж.-А.-С.] Указ. соч. – С. 237.

<sup>57</sup> Арсеньев Ю.В. Указ. соч. – С. 265.



Щитодержатели, нарисованные И.Я. Билибиным,  
из книги В.К. Лукомского и барона Н.А. Топольта «Русская геральдика»  
(Пг., 1915)

звериные фигуры); практически во всех сочинениях приводилась типология корон, сначала – западных и русских, а затем только последних, причем если А.Б. Лакиер начинал изложение этого раздела с папской тиары, которая, по его выражению, «есть первая в ряду корон государей Западной Европы», то впоследствии первенствующее положение заняли короны светские<sup>58</sup>. Неоднократно предпринимались попытки систематизации девизов: либо авторские, основанные на сочетании языкового и тематического критериев,

<sup>58</sup> Там же. – С. 239, 251–262; Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 48; Винклер П.П. фон. Указ. соч. – Вып. 3. – С. 144–153; Лукомский В.К., Топольт Н.А. бар. Указ. соч. – С. 43–44.

либо заимствованные у иностранных геральдистов, чаще всего – у К.-Ф. Менестрие.

Становление и развитие историографии формальной геральдики в России было обусловлено необходимостью создания правил национального герботворчества. Изначально предполагалась полная рецепция европейских правил, но по мере складывания собственного геральдического пространства, под давлением его художественных особенностей, возможным оказалось только частичное заимствование. Определенную роль в новой постановке проблемы сыграло то, что западные сочинения усваивались с некоторым опозданием.

Свою основную задачу – создание национальных правил герботворчества – отечественная геральдическая историография не решила, поскольку часто разработка концепций формальной геральдики превращалась в банальную схематизацию информации. Положительные сдвиги наметились только когда в России началось складывание научного гербоведения, а формальная геральдика стала восприниматься как его раздел, и геральдисты применили к ней научные методы познания.

Историография формальной геральдики, кроме специального, имеет немаловажное культурологическое значение. При помощи рецепции (восприятия, заимствования и приспособления) формальных норм усваивался опыт не только в области герботворчества, но и, шире, – специфическая область европейской культуры. Историографическое осмысление западной геральдики – это попытка освоить часть европейской культуры, понять основы ее бытия, внутреннюю структуру и логику, перенести ее на национальную почву. В конечном счете, отечественная историография формальной геральдики – яркий пример взаимодействия российской и европейской культуры, отражающий глубокие гуманитарные процессы.

*Опубликовано: Факты и версии: историко-культурологический альманах: исследования и материалы. – Кн. 4. – СПб., 2005. – С. 83–97. В настоящем сборнике публикуется в авторской версии.*